

Юрген Мольтман Аспекты человеческой свободы в присутствии Бога*

1. МИХАИЛ БАКУНИН: БОГ ИЛИ СВОБОДА

Широко цитируется известное высказывание русского анархиста Михаила Бакунина, утверждавшего, что «если Бог есть, человек – раб. А человек может и должен быть свободным. Следовательно, Бог не существует».

В своем произведении *Бог и государство* (1871) Бакунин подробно раскрывает этот тезис: все, что приписывается Богу, было отнято у человека. «Если Бог – всё, действительный мир и человек – ничто». «Бог появляется – человек сводится к ничто. И чем больше Божество делается великим, тем человечество делается более несчастным». Следовательно, если мы хотим освободить человечество, нам следует отказаться от Бога. Атеизм – предпосылка подлинной свободы. Человеческая свобода проистекает из бунта. Для Бакунина, как и для Фейербаха, Бог и человек суть одно и то же, так что, забирая что-то у одного, мы добавляем это другому. На самом деле это нелогично, поскольку Бог и человек не разделяют общую природу. Забавно, что для оправдания своего учения о свободе Бакунин прибегает к библейской истории грехопадения: «Но появляется Сатана, вечный бунтовщик, первый свободный мыслитель и эмансипатор миров... Он эмансипировал его (т.е. человека) и наложил на его лоб печать свободы и человечности, толкая его к непослушанию и вкушению плода знания». И «Бог подтвердил, что Сатана был прав», и констатировал, что «человек сделался подобен одному из нас». Из этого мифа о падении Бакунин делает вывод, что человечество освобождается – и будет освобождаться – «*бунтом* и мыслью».

Это, несомненно, было политическим заявлением. Бакунин жил на святой Руси автократических царей и государственной

* Перевод статьи, изначально опубликованной по-английски в книге *Богословие свободы. Религиозно-антропологические основания свободы в глобальном контексте* (ред. И. Языкова), М.: ББИ, 2021 (см. *Страницы* (2021), с. 317).

Православной церкви. «Рабы Бога, люди должны быть рабами и Церкви и Государства, *поскольку оно освящено церковью*». Поэтому его работа *Бог и государство* завершается анархическим кличем: *Ni Dieu ni maître* — ни Бога, ни господина! Он знал только политического государственного бога и выступал против него во имя свободы — и с политической точки зрения был прав.

2. БОГ ИСХОДА И ВОСКРЕСЕНИЯ

Бог Авраама, Исаака и Иакова — это не Бог фараона, кесаря и рабов, но тот Бог, который вывел свой народ из рабства к свободе. Как гласит первая заповедь, Бог — «Господь», потому что Он — Освободитель. Фундаментальный опыт Бога Израиля — это опыт свободы. Верить в Бога означает не что иное, как доверять его освобождающей власти. Современная альтернатива «Бог или свобода» в этом контексте представляется абсурдной. Верно обратное: имя Бога означает «свобода». Как показывает история Израиля, это означает не только внутреннюю свободу, свободу мысли, свободу ума или духа; это также означает реальную политическую, экономическую и культурную свободу, короче говоря, царство свободы в ее полном объеме. История исхода Израиля передавалась на протяжении многих веков различным народам посредством христианской Библии, вновь и вновь побуждая к революциям ради обретения свободы: отцов-паломников, эмигрировавших из Англии, афроамериканских рабов в США, народы Латинской Америки, боровшихся за освобождение от колониального порабощения и капитализма.

Но в Ветхом Завете рассказывается и другая история исхода: исхода Авраама и Сарры из их «отчизны» — семьи и родной земли — в страну, которую Бог собирался им показать (Быт 12:1-3). Это обещание Бога указывает вперед на «великий народ» и на «благословение для всех народов». Но путь туда одинок и пролегает через пустыню. Это не свобода, рожденная из эмансипации; это свобода, проистекающая из отчуждения, отчуждения от всего, что сулит безопасность в этом мире. «И пошел Авраам» (Быт 12:4). Вот что Новый Завет называет истинной верой: «осуществление ожидаемого и уверенность в невидимом» (Евр 11:1).

Бог — Отец Иисуса Христа, Бог, о котором говорит Новый Завет, не есть Бог политических правителей и рабовладельцев. Это тот Бог, который воскресил Христа, умершего на кресте, к славе Божьего царства. Бог Иисуса Христа — это Бог Сына Человеческого, униженного, мучимого и преданного на смерть римскими оккупационными властями в Иерусалиме во имя имперской власти Рима. Тот, кто верит в этого Бога и следует за Христом, оставляет

за собой богов власти, сбрасывает их идолов. Бог есть Тот, кто «воскресил Иисуса из мертвых» — вот христианское откровение Бога; Бог есть освободитель от власти зла и смерти. Его сила созидает жизнь там, где несправедливость и насилие ее разрушают. Христианский опыт Бога — это опыт воскресения. Это выражено в двух ключевых заявлениях христианской веры: «Христос освободил нас, чтобы мы были свободными» (Гал 5:1) и «Где Дух Господень, там свобода» (2 Кор 3:17). Опыт исхода Израиля и опыт исхода Авраама стоят в центре Ветхого Завета. В центре Нового Завета стоят опыт Воскресения Христа и опыт свободы, разделяемой верующими в Духа Христова и в ученичество у Христа.

3. СВОБОДА ЧЕЛОВЕКА В БОГЕ

Когда я говорю здесь о свободе «в Боге», я не имею в виду особый мистический опыт; я имею в виду жизнь в вере, жить в согласии с Богом, жизнь, участвующую в божественных энергиях в открытом Духе. В этой части рассмотрим различные аспекты свободы в этой божественной жизни.

4. СВОБОДА КАК СПОСОБНОСТЬ НАЧАТЬ

Ханна Арендт научила нас видеть свободу как инициативу, обусловленную чем-то новым, уникальным, несводимым к чему-то другому: *incipit vita nova* — новая жизнь начинается. Свобода не означает способность что-то делать или наличие множества возможностей. Свобода означает, что мы сами проявляем инициативу и начинаем что-то новое, используя наши способности и те потенциальные возможности, которые мы видим перед собой. Проще говоря, мы сами должны понимать, что сделать со своей жизнью для того, чтобы жить по-настоящему. По мнению Арендт, подлинная причина того, что мы проявляем инициативу и можем начать что-то новое, кроется в нас самих; именно для этого мы и рождены. «Поскольку всякий человек по причине своей рожденности есть *initium*, некое начало и пришелец в мире, люди могут брать на себя инициативу, становиться начинателями и приводить в движение новое». Это любопытно, ведь животные тоже рождаются, но при этом не обладают свободой людей. Арендт цитирует слова Августина: «Чтобы было начало, был создан человек, до которого никого не было» (*Initium ergo ut esse, creatus est homo, ante quem nullus fuit*).

Ибо «вначале сотворил Бог небо и землю». Только Бог обладает энергией свободного начала, лишённого всяких предварительных условий, такого начала, до которого было «ничто». И Бог сотворил

человеческое существо по своему образу — следовательно, делает вывод Арендт, как того, кто начинает нечто новое, с кем никто из прежде бывших не может сравниться. Поэтому творение человеческого образа Бога начинается с нового решения в Боге: «Сотворим человека по образу Нашему и по подобию Нашему» (Быт 1:26). Арендт пишет: «С сотворением человека принцип начала входит в сам мир. В творении мира он еще оставался, так сказать, в руках Бога и, следовательно, за пределами мира; разумеется, это иной способ выразить идею о том, что принцип свободы был создан, когда был создан человек».

Свободная сущность человека — это его творческая власть, и эта власть означает способность начать что-то новое. В этом смысле человек соотносится с творящим Богом и участвует в божественной власти жить. Соответственно, Бог участвует в этой человеческой свободе посредством своего Духа, пребывающего в человеке, и постоянно его пробуждает.

Если человеческая свобода, соотносящаяся с Богом, обнаруживается в способности к начинаниям, то это обращает наш взгляд к будущему. Это открывается с внутренней убедительностью. Каждое начало есть предвкушение завершения — иначе оно не было бы началом. Каждое рождение есть начало жизни в ее законченном виде — иначе оно не было бы началом. Каждое рождение есть предвкушение полноты жизни — иначе оно не было бы ее началом. Каждый исход из внешнего и внутреннего рабства уже является предвкушением свободной жизни в царстве свободы — иначе не было бы исхода. Каждое воскресение есть предвкушение вечно живущей жизни. Вот почему, как писал Герман Гессе, «в любом начале волшебство таится». Верующий видит это волшебство в обещании Бога, согласно которому мы возрождаемся «к упованию живому» (1 Петр 1:3). Без такого предвкушения и обетования будущее не было бы волшебным, и не было бы причины жаждать его наступления. В рождении, в возрождении, в способности к началу мы предвкушаем не условия, относящиеся к преходящему времени, а исполнение наших чаяний. Мы не предвкушаем того, что, возможно, наступит завтра и обязательно случится послезавтра, потому что хотим жить и утверждать жизнь. Будущее — не продолжение настоящего по меркам линейного времени, а исполнение нашего упования на ту жизнь, которая должна встретить нас.

5. СВОБОДА КАК ГОСПОДСТВО ИЛИ КАК ОБЩЕНИЕ?

Свобода существует в отношениях — либо в отношениях с другими людьми, либо с другим человеком, либо как отноше-

ние к самому себе. Общее определение свободы коренится в политической истории. Тот, для кого всемирная история — это беспрестанная борьба за власть, думает, что победителем из нее выходит свободный, а побежденным — несвободный. Свободны те, у кого власть; люди, лишённые власти, попадают к другим в подчинение. В социальной и политической истории господа свободны, а слуги зависимы. Апостол Павел знал разделение людей на свободных и рабов (см. Гал 3:28). Согласно римскому праву, свободным считался только хозяин дома; его жены, дети и слуги были этой свободой лишены. Свобода как господство — признак определенной культуры, что демонстрируют сильные мира сего. Свободный человек сам определяет свою жизнь, а остальные, несвободные, живут по чужим правилам. Господство — одностороннее отношение субъекта к объекту. Это особенно заметно в военных структурах: командир требует послушания, желательно рабского.

Буржуазная революция покончила с рабством и крепостничеством, преодолела княжеский абсолютизм и феодализм. Но ее определения по-прежнему заимствовали свои ориентиры у князей и феодалов. Свобода — это автономия самоопределения каждого индивидуума по поводу его собственной жизни и его собственных способностей. Индивидуальные свободы ограничиваются только свободой других людей. Тот, кто утверждает, что его свобода означает самоопределение, обязан уважать ту же свободу у других. Никто не решает за другого, каждый решает за себя. В идеале это общество свободных, но одиноких индивидуумов: *одинокая толпа*.

Но господство и рабство представляют собой одностороннюю форму социальных отношений. В повседневной жизни дети, старики, больные и слабые люди оказываются зависимыми от других, и в этом смысле отказ от руководства другими людьми во имя общего принципа автономии самоопределения не всегда оказывается уместным. Лучше было бы говорить о трансформации господства и рабства во взаимную и попеременную социальную репрезентацию. Люди с их собственными способностями выступают как представители других и от имени других. Они не просто стоят рядом с ними, но включаются в их жизнь от колыбели до могилы, действуя в их интересах. Здесь можно различать между временной репрезентацией, которая необходима лишь до тех пор, пока сам человек не сможет принять ответственность за себя, и репрезентацией постоянной, необходимой для жизни, когда люди поддерживают друг друга, поскольку живут вместе.

В этих отношениях репрезентации люди берут на себя ответственность друг за друга; начиная с новозаветных времен такие

отношения в христианской традиции рассматривались как любовь. История немецкого языка демонстрирует, что свобода никоим образом не является эквивалентом господства, ведь немецкое слово «свобода» (*Freiheit*) связано с дружелюбием, с расположением к другому человеку.

Такого рода свобода также называется коммуникативной. Я свободен и чувствую себя свободным, когда другие меня уважают и признают и когда я, в свою очередь, уважаю и принимаю других. Тогда другой человек — не ограничение моей свободы, а ее расширение. Во взаимном участии в жизни друг друга индивидуумы становятся свободными за границами своей индивидуальности. Такова социальная сторона свободы. Мы называем ее дружбой или солидарностью. Во взаимоотношениях такого рода индивидуумы становятся личностями. Индивидуум, в конечном счете, невидим, а личность проявляет себя в участии и коммуникации с другими людьми, иначе говоря, в обществе.

Неделимое не может вступать в отношения и сообщать себя. Если человеческий индивид лишен отношений, у него нет личностных черт, нет имени. Он не знает себя. Совершенно «приватизированное» человеческое существо — *идиот* в греческом значении этого слова. Без общения человеческое существо не может быть личностью; но без личностей общество не может быть человеческим обществом.

Что такое личность? Свободный человек — это такое существо, которое может обещать, как говорил Фридрих Ницше, и сдерживает свое обещание (это известно каждому ребенку). Давая обещание, я связываю сам себя. Сдержав его, я становлюсь достойным доверия для других людей. Давая обещания, человек приобретает стабильность в потоке времени. Кто забывает о своих обещаниях, тот забывает себя самого; держащий обещания остается верен себе. Эта тождественность человеческого существа с его жизненной историей определяется именем. Посредством имени я идентифицирую себя как того, кем я был, и как того, кем я буду. Своим именем я подписываю контракты и выступаю гарантом того, что говорю от своего имени.

Свободные человеческие существа живут в такой сети даваемых и сдерживаемых обещаний, соглашений и доверия. Политическая парадигма свободного общества — согласие, сформулированное в государственной конституции, а также социальный контракт, регулирующий общественную и политическую жизнь. Парадигма правления — *auctoritas facit legem* («власть определяет законы»), а парадигма свободного общества — *pacta sunt servanda* («соглашения следует соблюдать»). Свободное общество — не коллекция независимых индивидуумов; это сообщество солидарных личностей, сообщество «заботы и участия».

Старым методом управления был принцип *divide et impera*, «разделяй и властвуй». Но жизнь в общении с другими заключается в собирании того, что иначе было бы разделено. В общей свободе приходит конец отчуждению между людьми и отделению человеческой цивилизации от окружающей ее природы. Земля не была задумана как объект человеческого господства, животные — не объекты для человеческих субъектов; они «братские творения». Поэтому старые правила господства следует заменить новыми формами солидарности друг с другом и с природой. Свобода как гармония станет ведущим принципом жизни, как только на место соперничества придет сотрудничество, как только отношения с природой примут характер взаимного обмена благами, что станет условием нашего общего выживания.

6. СВОБОДА КАК ТВОРЧЕСКОЕ ОЖИДАНИЕ

Но для христианской веры опыт свободы не ограничивается пределами общности людей. Ведь вера живет не только любовью, но и надеждой. Если христианская вера — это вера в воскресение, то это означает, что она простирается в будущее и может быть определена как творческая жажда грядущей вечной жизни. Тем самым она преодолевает границы настоящего и выходит за пределы данной реальности в пространство будущих возможностей. В отличие от господства и общности, эта жажда черпает свои ориентиры не из настоящего, а из будущей формы того, что уже присутствует в настоящем.

Христианская вера — не позиция «посмотрим, как оно будет». Это творческое ожидание того, что Бог нам пообещал, воскресив Христа. Тот, кто страстно ожидает, готовит себя и окружающих. В этих приготовлениях, посредством стремления всеми своими силами и возможностями соответствовать тому, что мы ожидаем, мы приготавливаем путь Тому, кто грядет. Это соответствие тому будущему, которое обещал Бог, есть предвосхищение этого будущего. Человек, уповающий на царство свободы, будет жаждать освобождения от политических притеснений и экономической эксплуатации здесь и сейчас. Человек, надеющийся на справедливость и правосудие на новой земле, будет уважать землю здесь и сейчас, будет благоговейно относиться к земной жизни и сопротивляться эксплуатации и разрушению. Человек, уповающий на вечную жизнь, уже здесь и сейчас будет захвачен этим «уникальным, вечным сиянием жизни» и будет поощрять жизнь повсюду, где только может. Эта свобода — не «осознание необходимости», а осознание возможности. Эта свобода — не гармония существующих властных отношений, а их гармонизация с тем, что должно наступить, как говорил Исаия:

Восстань, светись, Иерусалим,
ибо пришел свет твой,
и слава Господня возшла над тобою. (Ис 60:1)

Если мы хотим прийти к абстрактному заключению, то можем сказать так: свобода как господство соотносит субъекта с объектом, свобода как общение соотносит субъекта с субъектом, свобода как творческое стремление соотносит субъекта с планами, обращенными в будущее.

Перевела с английского Ольга Хмелевская

Ключевые слова: человеческая свобода, божественная свобода, человеческое существо, христианская вера, Михаил Бакунин, общение.

Keywords: human freedom, God's freedom, human being, Christian faith, Mikhail Bakunin, community.